

ВОЙНЫ ШЕСТОГО ПОКОЛЕНИЯ

С момента, когда в 1915 году мир стал свидетелем первого боевого применения ОМУ, вопрос о контроле над ним превратился в одно из приоритетных направлений дипломатии «великих держав». Во второй половине прошлого столетия возникли достаточно разветвленные режимы контроля над ОМУ: запрещение применения и уничтожения тех или иных его видов, лимитация его количества, ограничение испытаний и создание режимов нераспространения, в которые, в частности, входили и так называемые «безъядерные зоны».

В последние годы мирополитическая система оказалась перед лицом создания совершенно новых видов оружия, которые прежде воспринимались лишь как «экзотические» проекты. Удастся ли в этих условиях сохранить существующие механизмы контроля или же достигнутый стабилизационный ресурс окажется перед угрозой окончательной и неотвратимой девальвации?

I

В некоторых исследованиях российских и зарубежных экспертов утверждается, что мир в наступившем веке придет к «войнам шестого поколения»*, целью которых будет разгром бесконтактным способом экономического потенциала любого государства на любом удалении от противника. Предложенная концепция четко фиксирует основное *стратегическое* отличие современных кампаний в Югославии, Афганистане и Ираке как от предшествующих им контактных войн на базе автоматического и реактивного оружия, так и от разработок по использованию бесконтактного ядерного удара. (Их соответственно квалифицируют как войны «четвертого» и «пятого» поколений).

В отличие от войн первой половины XX века, важнейшей характеристикой последних конфликтов стало постоянное совершенствование средств высокоточного удара и возрастание его роли в общей структуре операции. Стали говорить о «войнах шестого поколения», полагая, что до сего времени история пять сменяющих друга типов войн. В 1991 году основной силой ударов по Ираку были КР и бомбы с системами лазерного, инфракрасного и телевизионного наведения, и боевая авиация решала до 85% боевых задач.¹ В Боснийской кампании точность попадания КР уже позволяла уничтожать объекты в горно-лесистой местности. А в югославской операции 22 тыс. ударов высокоточными системами по 490 фиксированным и 520 движущимся целям² привели к тому, что Белград принял условия Североатлантического альянса даже без проведения сухопутной операции. Эти факты хорошо укладываются в теорию войн «шестого поколения».

Гораздо сложнее провести грань между войнами шестого поколения и концепцией бесконтактного ядерного удара, ибо сама концепция сверхточного поражения целей родилась в недрах доктрины «ограниченной ядерной войны». Есть основания полагать, что истоки ВТО восходят к стратегическим проектам Р. Макнамары и Дж. Шлессинджера, переориентировавших ядерную стратегию США с контрценностного удара по городам на сверхточ-

* Здесь и далее под «войнами шестого поколения» понимается концепция бесконтактной войны на основе высокоточного оружия (ВТО). Согласно установившейся традиции «войнами четвертого поколения» называют контактные войны на основе реактивного и авиационного оружия (первая половина XX века), а «войнами пятого поколения» – различные концепции ядерной войны (1950 – 1980 гг.).

ный удар по советским пусковым установкам, системам связи и центрам военно-политического управления.³ Администрация Кеннеди начинает разработку боеголовок с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), которые должны нести в себе несколько боевых зарядов, наводимых на конкретные военные или экономические объекты. В середине 1970-х Вашингтон делает ставку на реальное средство контрсилового удара по высокозащитным целям: КР авиационного базирования и те самые системы лазерного, инфракрасного и телевизионного самонаведения, хорошо известные нам по «Буре в пустыне». Наконец, спустя десятилетие администрация Р. Рейгана реализовала такие конкретные программы, как производство «невидимого» бомбардировщика В-1 «Стелт» с самонаводящимися КР, разработка межконтинентальных ракет МХ с РГЧ ИН и создание их основных высококомобильных носителей – атомных подводных лодок типа «Трайидент». *Следовательно, на концептуальном уровне доктрина «ограниченной ядерной войны» мало чем отличается от ключевой идеи «войн шестого поколения»: принудить противника к невыгодному для него миру ограниченным «разоружающим» ударом ВТО.*

В концепцию «войн шестого поколения» далеко не всегда укладываются и некоторые стратегические события последних двух-трех лет и, прежде всего, резкое возрождение интереса к ядерному оружию (ЯО). В январе 2002 г. США пересмотрели свою ядерную доктрину, добавив к традиционной триаде «сдерживания» (межконтинентальные баллистические ракеты, атомные подводные лодки и тяжелые бомбардировщики) создаваемую противоракетную оборону и «наступательные ударные системы» - переходный вид между ядерным и неядерным оружием.⁴ Последние, пояснил несколько месяцев спустя чиновник Пентагона Стивен Янгер, будут представлять собой сверхмалые боезаряды со сверхмалыми радиоактивными осадками, которые, проникнув в труднодоступный бункер или пещеру, произведут эффект «запечатывающего» взрыва, расплавив окружающее пространство.⁵ Конкретизируя эти разработки, Госдепартамент заявил, что их основой станет новый радиоактивный элемент гафний, сочетающий в себе мощную взрывчатку, выброс относительно небольшого количества радиации и, главное, действие без классической реакции расщепления атомного ядра. Такой же эффект, возможно, будет достигнут и оружием, воздействующим на противника мощным потоком гамма-лучей.⁶ В любом случае дипломатия получает реальный шанс последовательно отрицать сам факт нанесения ядерного удара, что само по себе повышает вероятность подобной акции. А, значит, основная тенденция современной стратегии оказывается связанной не с усилением точности удара (здесь максимально возможные пределы были достигнуты еще в середине 1980-х), а с увеличением поражающей мощи ВТО за счет оснащения КР и управляемых авиабомб какой-то «не вполне ядерной» (или, точнее, «околоядерной») начинкой.

Конечно, сама идея создать какую-то альтернативу ЯО в виде оружия на новых физических принципах (геофизическое, инфразвуковое, лазерное, электромагнитное и т.п.) возникла еще в разгар холодной войны. Возможный «прорыв» ядерной депрессии серьезно беспокоил политиков уже в эпоху Картера и Брежнева, свидетельством чему стала подписанная в 1977 году Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. Однако, нельзя не заметить, что далеко не все проекты этого периода пользуются сегодня одинаковой популярностью.

С одной стороны, уже мало кто прогнозирует возможное применение нейтронных боеприпасов – маломощных боеголовок американских тактических ракет «Ланс» и 203 мм артиллерийских снарядов, большая часть энергии взрыва которых должна была поступать в окружающую среду в виде проникающей радиации. Столь же мало востребованными оказываются и «лазерные» проекты рейгановской доктрины, направленные на нанесение предельно точных ударов по конкретному объекту. Тревожась по поводу «антибункерных» боеприпасов, эксперты почти не упоминают об их прямом предшественнике: старом проекте оружия с использованием энергии ядерного взрыва», предполагающего сочетание маломощного ядерного заряда и его преобразователя, локализирующего мощь и негативные эффекты вызванной им взрывной волны.⁷ Очевидно, сам *вектор этих поисков* был направлен в принципиально иное русло - на уменьшение и локализацию разрушительных последствий применения тактического ядерного оружия (ТЯО), - что не соответствует новейшим стратегическим тенденциям.

С другой стороны, именно в последнее десятилетие наиболее востребованными оказались старые наработки «бомб с обедненным ураном» - боезарядов без радиоактивных изотопов урана 235, обладающие большой *бронбойной* силой и образующие облако керамического аэрозоля на десятки километров от места взрыва. Клинтоновские проекты боеголовок с кратковременными микроволновыми импульсами⁸ заменила, в частности, «микроволновая электронная бомба», взрыв которой на несколько часов парализовал передачи иракского телевидения.* Разрабатываются и специальные снаряды с метановыми стержнями для вывода из строя бункеров с химическим и биологическим оружием и зажигательные боеприпасы, вызывающие шквал огня такой интенсивности, что его невозможно погасить водой. «Ранее созданные генераторы микроволновой энергии предназначались для решения полицейских задач борьбы с уличными беспорядками и имели незначительный радиус действия», - писала газета «Лос-Анджелес Таймс». Но теперь, по мнению ее корреспондентов, речь идет о микроволновом оружии большой мощности, предназначенном для вывода из строя военной радиоэлектроники, системы электроснабжения и даже резервных дизель-генераторов.⁹ Постоянно растет и мощь «вакуумных бомб», способных поражать окружающую атмосферу и органы дыхания. Вот почему, можно утверждать, что ключевым процессом последних лет становится не столько дальнейшая разработка ВТО, сколько оснащение высокоточных систем мощными боеголовками локального радиуса действия.

Подобный «реванш мощи» типичен и для американских проектов противоракетной обороны. В 60-е годы Москва и Вашингтон предполагали оснастить свои перехватчики ядерными боезарядами, считая, что их взрывная волна гарантированно уничтожит баллистические ракеты.¹⁰ Но с характерным для 80-х страхом перед ЯО рейгановская СОИ сместила акцент на точность и локальность удара лазерных лучей.¹¹ Зато современные проекты ПРО основаны или на эффекте мощных аэрозольных облаков, или на тех же гафниевых боезарядах, мощь взрыва которых способна поразить даже боеголовки с разделяющимися головны-

* Подобные исследования, очевидно, ведутся и в нашей стране. В ноябре 2003 г. в Новосибирске был создан искусственный аналог молнии – высокоразрядный поток электрического тока мощностью в 7 млн. ватт. Траектория «управляемой молнии» составила 249 метров, что, по мнению специалистов Французского аэрокосмического агентства, позволит использовать ее для борьбы с баллистическими ракетами и для вывода из строя целых систем энергоснабжения.

ми частями.¹² А это неизбежно трансформирует наши представления об «оружии будущего», показывая, что мы имеем дело с набором далеко не случайных совпадений.

Конечно, аналитики не могли не обратить внимания на данную тенденцию. Указывается: в настоящее время уже произошло разрушение того условного барьера, который длительное время разделял ядерное и обычное оружие. Накануне второй иракской войны некоторые авторы пересмотрели свой прогноз, что в будущем основным спросом будут пользоваться высокоточные крылатые ракеты воздушного и морского базирования и средства их доставки, а также навигационные средства, системы управления и высокоточные средства противокрылаторакетной обороны. Действительно, решением Пентагона от 30 марта было увеличено количество применяемых снарядов с урановыми стержнями.¹³ Начинают делать ставки не только на средство контрсилового удара, но и на мощные удары по группам войск. В таком случае оружием будущего становится не просто ВТО, а ВТО с очень мощной взрывчаткой, которая будет обладать в том числе и специфическими эффектами локального радиуса действия.

В качестве вывода можно сказать: *возникновение высокоточных систем представляет собой лишь закономерный итог того дискурса понимания войны, который зародился еще в самом начале 60-х годов XX века.* Во времена Эйзенхауэра американская элита сделала вывод, что полномасштабная ядерная война невозможна: даже в самом благоприятном варианте от ответного удара СССР пострадает до 65% американцев.¹⁴ Такие расчеты породили новые доктрины «контрсилы» (1961) и «управляемого конфликта на основе выигрыша в подлетном времени» (1974), задачей которых было придать ядерному сдерживанию большую реалистичность. Их эффективность, однако, целиком зависела от такого специфического оружия как предельно точные системы наведения на цели и маломощные ядерные боезаряды.¹⁵ Поэтому можно предполагать, что в последние пять-семь лет произошла деструкция старой парадигмы: новый век начинается крутым поворотом в сторону увеличения поражающей мощи наносимых ударов.

II

Приведенные выше замечания касались, преимущественно, стратегических процессов и почти не рассматривали их связку с текущими тенденциями мировой политики. Между тем, связующее звено между собственно военным и политическим аспектами хорошо просматривается и в самой концепции «войн шестого поколения». Концепция бесконтактного поражения противника зародилась именно в англосаксонской традиции, и как минимум за полвека до теории «войн шестого поколения». Еще итальянский генерал Джулио Дуэ выдвинул теорию о том, что военно-воздушные силы – это оружие неограниченной атакующей силы, а война может быть выиграна массированными бомбардировками с минимальным участием других родов войск.¹⁶ Его высказывания стали своеобразной «библией» англо-американской военной мысли. В годы Второй мировой войны основой стратегии союзников были постоянные воздушные атаки на Рейх, а после применения атомного оружия американская стратегия сдерживания представляла собой не что иное, как проработку вопроса о пределах проецирования авиационной мощи Вашингтона.¹⁷ Все три последовательно сменявших друг друга концепции – «массированного возмездия», «гибкого реагирования» и «реалисти-

ческого устрашения» - исходили из того, что бесконтактные средства ведения войны (стратегические бомбардировщики, ракеты средней и меньшей дальности, КР и т.п.) смогут каким-то образом нейтрализовать (а в благоприятной ситуации и парализовать) советское превосходство в обычных вооружениях.

Войны в Персидском Заливе, Боснии и Югославии окончательно сформировали особый дискурс американской силовой проекции, основные черты которого проявились еще в предшествующих концепциях «ограниченной ядерной войны в Европе». Целью военной операции стало навязывание оппоненту определенных политических условий, осуществляемое через систему хирургически точных ударов по его экономической и в меньшей степени военной инфраструктуре.* Неважно шла ли речь об «изгнании» Саддама Хусейна из Кувейта, о принуждении боснийских сербов к принятию плана Контактной группы или о «выдавливании» югославской администрации из Косова. Эти кампании представляли собой лишь более интенсивный раунд переговоров, когда после системы высокоточных ударов проигравший шел на менее удачную сделку, а победитель – на более выигрышную. Технология такого удара выглядела следующим образом:

- *подведение к воздушному пространству противника спутниковой группировки в рамках глобальной сети НАВСТАР*, позволяющее планировать военные действия с помощью цифровых технологий;
- *радиоэлектронное подавление противника*, задачи которого достигаются за счет оперативно-тактических беспилотных летательных аппаратов RQ-1 «Предатор», стратегических беспилотных летательных аппаратов RQ-4A «Глобал Хоук», самолетов радиоэлектронной разведки и управления наземными операциями E-8 J-STARs и RC-135 «Ривет Джойнт»;
- *удары ВТО по инфраструктуре противника*, осуществляемые такими видами орудия как КР крылатые ракеты морского базирования «Томагавк» с дальностью полета от 660 до 1800 км, а также воздушные ракеты «Фастхок» и AGM-158 типа JASSM с дальностью действия до 930 км и коэффициентом точности попадания не менее 0,5. На этом этапе основную роль играют такие носители ВТО как бомбардировщики B-2, B-1B и B-52H и палубная ударная авиация, основу которой составляют самолеты семейства F/A-18 «Хорнит» и F/A-18E/F «Супер-Хорнит». (Последние в числе прочего могут нести и управляемые ракеты (УР) класса «воздух-поверхность» AGM-65 «Мэйврик», противолокационные УР AGM-88 HARM и многочисленные разновидности КР);
- *удары по объектам на передовой*, выполняемые уже не столько КР, сколько управляемыми авиабомбами типа JDAM (MK-84, BLU-109, MK-83, 9 BLU-110, MK-82 “Growth” и GBU-32). Их основные носители – стратегический бомбардировщик B-52H и, главное, стратегический бомбардировщик B-2A «Спирит», созданный специально по технологии «Стелс».

* Так, по данным лондонского Института стратегических исследований, вплоть до конца мая 1999 г. действия авиации НАТО мало затрагивали непосредственную инфраструктуру югославских войск в Косове. Первые серьезные потери начались в конце мая – начале июня, когда авианалеты стали проходить в унисон с атаками подразделений так называемой Освободительной Армии Косова, а Североатлантический Альянс стал применять кассетное оружие.

Осенью 2001 года - в момент, когда политическое руководство США поставило своей задачей ликвидировать «Талибан» как субъект мирорегулирования, - американские стратеги почувствовали, что для решения подобных задач столь внушительного силового ресурса будет *недостаточно*. Дискуссия о том, как уничтожить противника со слабой экономической инфраструктурой, имела настолько важное значение, что отголоски ее обсуждения попали и на страницы открытой печати. Именно в ней всерьез обсуждались сценарии применения ТЯО, переориентации с КР на бомбардировщики В-2, управляемые бомбы JDAM и GBU-28, проведение силами 82-й воздушно-десантной и 101-й воздушно-штурмовой дивизии наземной операции и помощь авиаударами внутренней оппозиции. И это была далеко не обычная схватка «групп интересов». *Именно здесь впервые обозначился качественно новый вектор стратегических поисков, направленный не на усиление точности удара, а на усиление производимой боезарядами взрывной волны.*¹⁸

Афганская операция существенно скорректировала технологию удара. Основным средством поражения стали уже не КР, а «плотные» авиагруппы по 50 – 100 самолетов (поражающие стационарные объекты палубные ударники семейства «Хорнит», «распыляющие» бомбы стратегические бомбардировщики В-2 и В-52 Н, и истребители-бомбардировщики F-15 Е, чья задача заключалась в точечном ударе по целям). Впервые широкое применение получили беспилотные летательные аппараты RQ-1 «Предатор» с противотанковыми управляемыми ракетами «Хелфайр», которые вкуче с ударными вертолетами совершали массированные удары по прифронтовой полосе талибских войск. Так, Пентагон утерял прежнюю веру во всемогущество КР и сделал ставку на бомбардировщики В-2, управляемые авиабомбы, управляемые противотанковые ракеты, а также на широкое использование вертолетов.

Дальнейшее развитие эти тенденции получили во время операции в Ираке. Спустя десять дней после ее начала, Пентагон с удивлением обнаружил, что даже массированный удар 675 КР и 6000 высокоточных бомб не привел к полному разгрому иракской армии. Мир вновь стал свидетелем контактных сражений, таких как битва за порт Умм-Каср или танковое сражение под Эн-Насирией. Уже 25 марта 2003 г. командование коалиции заявило о необходимости сменить тактику по афганскому образцу. С этого дня бомбардировщики В-52 стали наносить удары не ракетами, а управляемыми авиабомбами, палубная авиация авианосца «Теодор Рузвельт» переориентировались на поддержку войск на передовой, а вертолеты «Апачи» приступили к обработке расположенных около Багдада казарм Республиканской гвардии. А еще через несколько дней в американском командовании впервые зазвучали голоса о необходимости широкомасштабного применения бомб с урановыми наконечниками и тех самых боезарядов, которые излучают серию электронных импульсов. Кладбища иракской бронетехники около Багдада показывают, что определенных успехов американцы добились. Таким образом, вторая иракская война обозначила *пределы* возможного использования ВТО для достижения победы. ВТО показало себя как важная составляющая успеха, но это еще не сам успех, ибо он невозможен без сокрушения войсковых группировок и групп сопротивления на занятой территории.

Нельзя забывать, что в Афганистане и Ираке большое значение имел и политический фактор. Падению Кабула предшествовали длительные переговоры между Вашингтоном, Москвой, Исламабадом, Пекином и Тегераном, и только через месяц весьма напряженной рабо-

ты Женевской конференции Афганистан наконец-то получил новое правительство. Столь быстрое падение Багдада вызвало многочисленные о сделке с иракскими генералами и некоторыми лидерами партии Баас. Главным же было то, что в обеих странах существовала серьезная внутренняя оппозиция, которая длительное время вела боевые действия на границе с Центральной Азией и в иракском Курдистане. Именно ей американская авиация помогала прорваться к Мазари-Шарифу, Кабулу и Киркуку, что в конечном счете и не позволило организовать новые линии обороны на тыловых рубежах.

После окончания активной фазы операции в Афганистане американская стратегия сделала однозначный выбор в пользу «сокрушения». Принятый в декабре 2001 г. проект реформы американских вооруженных сил ставит перед ними такие традиционные для века ВТО задачи, как отслеживание действий союзников и противников, совершенствование систем наведения, быстрое реагирование на изменение ситуации и действия в отдалении от собственных баз. Однако их решение предполагается за счет резкого увеличения «сокрушающей» противника огневой мощи:

- замены управляемых разведывательных самолетов беспилотными ракетноносцами «Предатор»;
- смещения акцента с КР на самонаводящиеся бомбы и их наведения на цель в режиме реального времени;
- сокращения тяжелых танков и повышение значимости легких бронемашин и транспортных самолетов;
- расширения парка бомбардировщиков В-2 и самолетов палубной авиации.¹⁹

Последнее представляет особый интерес, поскольку речь идет об очевидном триумфе большой бомбовой нагрузки и возможностей использования авиацией разнообразных систем - от многочисленных типов КР до проникающих бомб. Добавляя к ним проект «гафниевых» боезарядов, мы получаем ярко выраженное стремление к нокаутирующему удару, который в течение очень короткого времени должен сделать противника неспособным к какому-либо организованному сопротивлению. Локальные же группы в тылу можно будет зачистить с помощью сброшенного спецназа на легких бронемашинах. Поэтому переход от «воздействия» к «сокрушению» неизбежно трансформирует не только масштаб силовой проекции, но и параметры мирополитической системы, которая отныне допускает проведение высокоинтенсивных региональных конфликтов с применением того или иного боевого эквивалента ОМУ.

Правда, сама по себе концепция «сокрушения» не столь уж и революционна. Контактные войны четвертого поколения ориентировались на уничтожение военного и экономического потенциала противника и даже на смену его политического строя. Теперь мы имеем дело с попыткой решения тех же задачи с помощью бесконтактного удара и без применения классических видов ЯО. На заре ядерной эпохи в недрах администрации Эйзенхауэра обсуждались варианты смены режимов в Северной Корее, Вьетнаме и даже Китае посредством ограниченных ударов ТЯО. Однако все они были отвергнуты, т.к. для их реализации нужно было перешагнуть через «ядерный порог».²⁰ Зато эти сценарии реанимируются на страницах американской ядерной доктрины, возвращающей в приоритеты ядерного планирования «немедленные» и «неожиданные» угрозы – конфликт на Корейском полуострове, поражение Израи-

ля в возможной войне с Сирией, Ираном и Ливаном и переход пакистанского ядерного арсенала в руки исламских экстремистов. Разница заключается лишь в том, что теперь «нокаутирующий» удар должен быть нанесен большим количеством высокоточных систем, которые, донеся до целей мощные и «не вполне ядерные» боеголовки, сделают невозможным дальнейшее сопротивление. Таким образом, наблюдающаяся смена стратегического дискурса разделяет теорию «войн шестого поколения» на два больших стратегических «стиля»: «воздействие» и «сокрушение» противника, осуществляемое с той или иной пропорцией точности и мощи.

III

Концептуальной основой термина «войны шестого поколения» является доктрина «контрсиловой» и «контрэлитной» войны, которая, возникнув в рамках ядерного взаимосдерживания СССР и США, постепенно вырвалась за его рамки.²¹ В идеале финалом этих наработок должен был стать мощный обезоруживающий и ослепляющий удар, после которого противник, несмотря на сохранение основной части своего ядерного арсенала, не смог бы воспользоваться механизмом ответных действий. Однако в те годы его осуществление связывалось, преимущественно, с ЯО – оружием, которое с середины 50-х рассматривалось обеими сверхдержавами как фактор сдерживания, а не ведения боевых действий. Поэтому вплоть до апробации неядерного ВТО во время «Бури в пустыне», структура советских и американских вооружений еще «укладывалась» в стабилизирующие институты взаимного контроля и ограничения, а Договор о сокращении ракет средней и меньшей дальности 1987 года с легкостью ликвидировал «евроракеты» как потенциально опасное оружие, соединяющее в себе функции сдерживания и устрашения.

Постепенно ситуация менялась, и с утверждением доктрин «воздействия» в мире появилось много нового вооружения. Уже в 1997 году российские и американские политики с трудом договаривались о критериях разграничения стратегической и нестратегической ПРО,²² а вопрос о каком-либо базовом договоре по высокоточным системам вообще не обсуждался. Использованные, например, в Боснийском и Косовском конфликтах «бомбы с обедненным ураном» так и не были отнесены ни к «конвенциональному» оружию, ни к ОМУ, и следовательно объективно не попадали под контроль Венской комиссии по выработке Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и не стали предметом российско-американского диалога по «ядерному разоружению». С переходом же к «сокрушению» мир получает много новых, ранее неизвестных систем, технические параметры которых объективно не вписываются ни в первую, ни во вторую категорию вооружений. Поэтому дальнейшая эволюция «контрсиловой» и «контрэлитной» стратегии неизбежно меняет параметры мирополитического пространства, ставя политиков пред своеобразным эффектом шахматной доски: чтобы изменить правила игры, совсем не обязательно менять правила использования фигур, - достаточно чуть-чуть увеличить привычный квадрат игрового поля.

Известно, что со времени Карибского кризиса проблемы сокращения ядерных арсеналов были неотъемлемой частью стабильной дипломатической дискуссии Запада и Востока по поддержанию мирополитической стабильности. Те инициативы по разоружению, которые выдвигала одна из сторон, создавали ей определенные информационные преимущества вне

зависимости от реализации этих инициатив. (Например, ратификация Верховным Советом СССР Договора ОСВ-2 объективно сужала Вашингтону поле для маневра при решении вопроса о развертывании СОИ, так как выставляла его противником разрядки). Однако новым видам «сокрушающего» оружия придается уже не информационно-политическое, а сугубо политическое значение. Их цель – произвести ревизию сложившегося статус-кво, ликвидировав одного из региональных противников великой державы. Тем самым, вопрос об ограничении возникающих вооружений неизбежно выносится за пределы диалога: с ними связывают другие расчеты.

Таким образом, задача нового века – создать принципиально новый Договор об ограничении (или средствах контроля) над оружием «сокрушения». Напоминая по структуре ДОВСЕ, он мог бы включать в себя уже шесть категорий вооружений – КР, самонаводящиеся бомбы, бомбы с обедненным ураном, оружие направленной энергии, боезаряды с микроволновыми импульсами и «гафниевые» боеголовки. Подобный договор, конечно, то вряд ли остановит намечающийся виток гонки вооружений, но позволит установить для нее какие-то институционально-страховочные рамки.

¹ Попов И.М. Буря в пустыне. М. «Знание», 1992. – Сер. «Под знаком Марса», № 4. С. 23 – 24.

² Соловьев В. Победа с оговорками // Независимое военное обозрение, 26 ноября 1999.

³ Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М.: «Политиздат», 1984; Halperin M. Nuclear fallacy: Dispelling the myth of nuclear strategy. Cambridge (Mass.): Ballinger, 1987.

⁴ Текст и подробный анализ доктрины см.: Независимое военное обозрение, 2002, № 9. С. 2.

⁵ Конец ядерного сдерживания // РИА-новости. 25 декабря 2002.

⁶ Новый облик будущей войны // Время новостей. 19 августа 2003. <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?mid=3709417>.

⁷ Военный энциклопедический словарь. Т. 2. М., 2001. С. 241.

⁸ Николин Б. Высокоточное. Особо опасное // Российская Федерация сегодня, 1998, № 7. С. 59.

⁹ Arkin William M. The Los Angeles Times. 9 December, 2002.

¹⁰ Стародубов В.П. Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. М., 2001. С. 171 – 179. См. также: Итоги. 1999, № 6. С. 18 – 22.

¹¹ Макнамара Р. Путем ошибок – к катастрофе. Опыт выживания а первую ядерную эпоху. М., 1988. С. 136 – 149.

¹² См.: Lindsay J.M., O'Hanlon M.E. Defending America: The Case for Limited National Missile Defense. Washington: Brookings Institution Press, 2001.

¹³ Известия, 22 февраля 2003. С. 2.

¹⁴ Гудби Дж. Неразделенная Европа. Новая логика мира в американо-российских отношениях. М., 2000. С. 64 – 67.

¹⁵ Системная история международных отношений в четырех томах. 1918 – 2000 / Под ред. Богатурова А.Д. Т. 3. М., 2003. С. 407 – 408.

¹⁶ Дуэ Д. Господство в воздухе. М.: Воениздат, 1935.

¹⁷ Beaufre A. Deterrence and strategy. London: Faber, 1965.

¹⁸ Подробнее эта проблема рассматривается автором в статье: Фененко А.В. «Стратегия сокрушения» в афганской операции Вашингтона // Центральная Азия и Кавказ. 2002, № 5. С. 7 – 21.

¹⁹ См.: Профиль, 2001, № 48. С. 44 – 45.

²⁰ Шлезингер А Циклы американской истории. М., 1992. С. 576 – 581.

²¹ Арбатов А.Г. Указ. соч. С. 219.

²² См.: Капралов Ю.С. Проблема ПРО на саммите // Международная жизнь, 2000, № 7. С. 11 – 18.